

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Гигаури Давид Ираклиевич

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ И РИТУАЛ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Специальность:

23.00.03 – Политическая культура и идеологии (политические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Санкт-Петербург

2016

Работа выполнена в Санкт-Петербургском государственном университете.

Научный руководитель

ЗАВЕРШИНСКИЙ Константин Федорович, доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета

Официальные оппоненты

НЕКИТА Андрей Григорьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории, истории и философии культуры Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого

ГОРБАТОВА Наталья

Валентиновна,

кандидат политических наук, доцент кафедры управления общественными отношениями Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Защита состоится «12» мая 2016 г. в ____ часов на заседании Совета Д. 212.232.14 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 7, ауд. 216 (Большой зал).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор политических наук, профессор

К. Ф. Завершинский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Символическая политика является важным и значимым компонентом политического процесса конструирования политической реальности и конституирования политического сообщества. Политические элиты перманентно прибегают к символическим способам и средствам консолидации общества, которые позволяют создавать социокультурную среду для поддержания национальной идентичности.

Политический миф и ритуал являются базовыми символическими формами и способами социального конструирования политической реальности и политико-культурной основой для реализации элитами политики идентичности и политики памяти. Подобные коммуникативные средства общения, которые носят символический характер, позволяют политическим элитам вести диалог с обществом и осуществлять символическую политику, то есть целенаправленную деятельность по формированию коллективных представлений о социальной реальности, приданию политике визуального и наглядного измерения, которое апеллирует не только к разуму, но и к чувствам и эмоциям людей. Символическими средствами в данном случае могут выступать различные политические мифологемы, репрезентирующие исторические события в жизни страны, гражданские и государственные церемонии, государственные праздники, которые способны обретать общенациональную значимость.

Политические миф и ритуал, будучи исторически первичными формами символической легитимации авторитета и публичной власти, в современном обществе становятся частью многообразного и сложного политико-символического пространства. В связи с чем, представляется обоснованным их изучение как значимого компонента системы современной символической политики.

Облик современной политики фундаментальным образом трансформировался посредством средств массовой коммуникации, которые

транслируют политический материал и информацию. Электронные медиа становятся главным источником информации о политической реальности для общественности, поэтому политики все больше вынуждены осуществлять попытки придать необходимую форму данной информации при помощи символических средств¹. В условиях кризиса легитимности политические элиты интенсифицируют мифоритуальные практики обоснования своего политического господства. Данная исследовательская работа призвана обозначить приоритетные направления изучения политического мифа и ритуала как политико-культурных оснований символической политики и важных ресурсов для проведения политики идентичности и политики памяти.

Степень научной разработанности исследования. Миф и ритуал в исследованиях отечественных политологов чаще всего рассматриваются как архаические знаково-символические формы поддержания порядка и передачи социального опыта. Вместе с тем, в современной символической политике значение таких, казалось бы, архаических форм не снижается, поскольку политические мифы и ритуалы демонстрируют высокую степень адаптивности к современным символическим практикам легитимации политического порядка.

Работы американского политолога М. Эдельмана², опубликованные в 60-70х годах прошлого века, послужили основой концепции символической политики, которая методологически близка исследовательской традиции символического интеракционизма и конструктивизма. Позднее теория символической политики разрабатывалась в 80-90х гг. в Европе, прежде всего, в Германии. Среди европейских авторов этого направления наиболее известны работы У. Сарцинелли, Т. Майера, А. Дёрнера, Р.-Ж. Шварценберга и др³.

¹ Sarcinelli U. Symbolische Politik und politische Kultur. Das Kommunikationsritual als politische Wirklichkeit // Politische Vierteljahresschrift. Vol. 30. № 2. 1989. P. 297.

² Edelman M. Political language. Words that succeed and policies that fail. – N.Y. 1977; Edelman M. Political Ritual Frankfurt am Main; N.Y., 1990; Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. 201 p.

³ Sarcinelli U. Symbolische Politik und politische Kultur. Das Kommunikationsritual als politische Wirklichkeit // Politische Vierteljahresschrift. Vol. 30. № 2. 1989. 292-309 p.; Meyer T. Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen symbolischer Politik. Frankfurt am Main. 1992.; Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik. Der Hermann-Mythos: zur Entstehung des Nationalbewußtseins der Deutschen. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt,

Символическая политика как концепт и предметная область исследования политических коммуникаций, в многообразии своих измерений, привлекает все большее внимание отечественных представителей политической науки. Об этом свидетельствует появление большого количества работ, посвященных тем или иным аспектам символической политики и способам ее осуществления - политике идентичности и политике памяти⁴. Проблемы символической политики и символической репрезентации власти активно занимались такие исследователи как Е. В. Барышева, П. Бергер и Т. Лукман, Б. Дубин, Д. Керцер, Б. И. Колоницкий, С. Лангер, А. Шюц, Ю. Левада, Н. Луман, О. Ю. Малинова, Д. А. Мисюров, С. П. Поцелуев, и др.⁵. Гендерным аспектам символической политики посвящены работы О.Рябова и Т.Рябовой⁶.

В качестве основных способов реализации символической политики ряд исследователей рассматривают политику идентичности и политику памяти как комплекс символических практик создания групповых и коллективных идентичностей. Проблемам социального конструирования политической идентичности в связи политикой памяти посвящены обстоятельные работы Я. Ассмана, М. Кастельса, П. Нора, Э. Хобсбаума, Среди отечественных авторов,

1996. 421 S.; Schwarzenberg R.-G. Politik als Showgeschäft. Moderne Strategien im Kampf um die Macht. – Düsseldorf; Wien: Econ, 1980. 377 S.

⁴ См., напр.: Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: РАН ИНИОН, 2012. 334 с.; Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. М.: РАН ИНИОН, 2014. 382 с. Символическая политика: Вып. 3: Политические функции мифов. – М.: РАН ИНИОН, 2015. 371 с.

⁵ Барышева Е. В. Репрезентация власти как форма политического конструирования социальной среды // Вестник РГГУ 2011 № 1; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть. - "Thesis" 1993 №2; Дубин Б. Симулятивная власть и церемониальная политика // Вестник общественного мнения 2006. № 1. (81); Дубин Б. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra № 5. (53). 2011. С. 6-22.; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть Спб., 2001; Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1045 с.; Левада Ю. А. Сочинения: избранное: социологические очерки 2000-2005 М., 2011; Луман Н. Реальность массмедиа М.: Праксис, 2005; Лангер С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства: М.: Республика, 2000; Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд полит. науки. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. Мисюров Д. А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис 1999. № 1 С.168-174; Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис 1999. № 5. С. 65-75; Поцелуев С.П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2012. Kertzer D. Ritual, Politics, and Power. New Haven, 1988.

⁶ Рябова Т. Б, Рябов О. В. "Настоящий мужик": о гендерном измерении символической политики // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 48-63; Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 40-50.

развивающих идеи о конституирующей роли политики идентичности в легитимации политических институтов следует отметить публикации В.А. Ачкасова, В. Н. Ефремовой, О. Ю. Малиновой⁷.

Вместе с тем изучение влияния политической мифологизации и ритуализации на формы и способы реализации символической политики в отечественном обществоведении представлено фрагментарно, несмотря на существующий научный потенциал подобного рода исследований.

Проблемой символических функций мифа в разное время занимались представители различных наук. Соотношение мифологии и языка занимались И. Г. Гердер, Ф. В. Шеллинг⁸. Большой вклад в трактовку социальной значимости мифического внесли Э. Дюркгейм и М. Вебер⁹. В рамках структурно-функциональной теории мифа как «переживаемой реальности» ритуальные аспекты мифологизации были проинтерпретированы Б. Малиновским¹⁰. Структуралистское понимание мифа, в котором подчеркивается его связь с прошлыми событиями, образующими постоянную структуру для преемственности прошлого, настоящего и будущего в культурной эволюции, развивал К. Леви-Стросс¹¹. В качестве архетипа (первообраза), наследия врожденных психологических структур, организующих восприятие мира и представление людей об окружающей действительности, миф изучен в трудах К.

⁷ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Нора П. Между памятью и историей // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция – память. – СПб., 1999. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1; Castells M. The power of identity Cambridge, Mass.: Blackwell, 1997. Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2012; Ефремова В. Н. Национальные праздники как «нестабильные символы» национальной идентичности // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2012;

⁸ Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка М.: Издательство ЛКИ, 2007. 88 с.; Шеллинг Ф. В. Философия мифологии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. Т. 1. 480 с.; Т. 2. 544 с.

⁹ Durkheim E. The elementary forms of religious life New York, The Free Press, 1995. 464 p.; Weber M. On Charisma and Institution Building Chicago, University of Chicago Press. 1968. 370 p.

¹⁰ Малиновский Б. Магия, наука и религия / Пер. с англ. П. Хомик; под ред. О. Артемовой. – М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.

¹¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Г. Юнга¹². Семиотическим толкованием мифа занимались В. Н. Топоров и Е. М. Мелетинский и др¹³.

Значительный вклад историков в изучение данной тематики был внесен М.Блоком¹⁴ и Э.Канторовичем¹⁵. В своих работах, изучая сакральные качества правителей средневековья, эти ученые открыли новую линию в исторических исследованиях мифического и символического измерения власти.

Вместе с тем, все эти исследования, так или иначе, были ограничены изучением традиционных обществ, в которых влияние мифов и символов рассматривалось в контексте специфики теологической легитимации политического порядка. Политический миф, как правило, не являлся предметом специального анализа и в контексте исследовательских стратегий политической науки. Для представителей социальной и исторической антропологии, изучающих традиционные общества, присутствие таких феноменов как миф и символ кажется очевидным как следствие неотделимости политики и религии в данных культурах¹⁶. Многие исследования антропологов связаны с мифом как с общей категорией символизма и не сосредотачиваются конкретно на политических мифах.

Среди исследователей, заложивших традицию исследования специфики политического мифа как особой формы ментальности, лежащей в основе традиционного мировоззрения, конструирующую особую сакральную реальность и не утрачивающую своего значения в современном политическом обществе для политической коммуникации, следует отметить таких как Э. Кассирер, М. Элиаде, Д. Кэмпбелл, К. Хюбнер, Р. Барт, Ю. К. Г. Юнг, М. Лотман, Б. А. Успенский, О. М. Фрейденберг¹⁷.

¹² Юнг К.Г. Человек и его символы. – СПб.: Б. С. К., 1996. 454 с.

¹³ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. М.: Прогресс, Культура, 1995. 624 с.; Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2001. 168 с.

¹⁴ См.: Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. 712 с.

¹⁵ Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 744 с.

¹⁶ См.: Малиновский Б. Магия, наука и религия М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.; Geertz C. Local Knowledge New York: Basic Books 1983. 244 p.

¹⁷ Кассирер Э. Понятие символической формы в структуре наук о духе // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000; Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998; Элиаде М.

Одним из первых, кто внес вклад в изучение политического мифа и ритуала, с позиций политико-антропологического подхода был Д. Керцер¹⁸. Д. Керцер рассматривает политический миф и ритуал как порождение деятельности, без которой человек не может существовать в политической реальности. Современный политический миф также стал предметом научной интерпретации как «политический текст». Социальный миф как текст, т.е. закодированное мифопослание, которое можно «политологически прочитать», рассматривают в своих работах У. Доти и С. П. Бэйт¹⁹.

Имеется целый комплекс работ отечественных авторов по символическим функциям политической мифологии, но они рассматривают феномен политического мифа преимущественно с позиций социально-технологического знания, зачастую подменяя содержание и смысл мифических практик идеологическими экспликациями манипулятивного характера²⁰.

Специализированные исследования политического ритуала более односторонни, несмотря на то, что социальный ритуал как коллективное символическое действие лежит в основе конструирования социальной и политической реальности, выполняя важную легитимирующую функцию. Кроме того, эти исследования слабо связаны с изучением структуры и процессуальных аспектов символической политики.

Так, Н. Г. Щербинина обоснованно выделяет две основные тенденции в исследовании политической мифологии²¹. Первая – «идеологическая», берет

Аспекты мифа. М., 1996; Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб., 1998; Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. К., 1996; Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991; Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996; Барт Р. Мифологии. М., 1996; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура: Статьи и исследования // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2010. С. 525-543. Фрейденберг О. М. Образ и понятие // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998.

¹⁸ Kertzer D. I. *Ritual, Politics, and Power*. New Haven & London: Yale University Press, 1988.; Kertzer D. I. *Politics and Symbols: The Italian Communist Party and the Fall of Communism*. London, 1996.

¹⁹ Doty William G. *Mythography: The Study of Myths and Rituals*. Second Edition. Tuscaloosa, 2000; Bate S. P. *Strategies for Cultural Change*. Oxford, 1996.

²⁰ См. например: Горбатова Н. В. Феномен мифологии в политической жизни России дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2004. 160 с.

²¹ Щербинина Н. Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С.6.

свое начало у основателя теории политического мифа Ж. Сореля. Согласно данной исследовательской традиции, политическая мифология, по сути, отождествляется с политической идеологией, а сам политический миф является образным отражением действительности. Здесь нужно отметить работы К. Флада, выполненные в русле подобного подхода, среди отечественных авторов - Н. И. Шестова и Е. И. Шейгал²². Вторая исследовательская интенция – «технологическая», в которой политический миф понимается как манипулятивная технология управления сознанием, позволяющая внедрять необходимые идеи и использовать мифы как практическое средство. В данном понимании прослеживается дихотомия добра и зла, ценностная оценка мифа. Эту традицию исследования заложил Э. Кассирер, ее продолжили развивать А. Цуладзе, В. С. Полосин, А. Н. Савельев (Кольев)²³.

В зарубежной и отечественной науке политическая мифология также являлась объектом изучения Р. Барта, К. Хюбнера, Ф. Х. Кессиди, П. Гуревича, М. Ильина, Т. Корниенко, А. Л. Топоркова, и др.²⁴. Интересна заслуживает статья А. Гончарика²⁵, в которой рассматривается методологическая возможность применения понятия мифа на примере исследований идентичности, и работа К. Завершинского, который предложил теоретическую модель политического мифа как симбиотического механизма осуществления символической власти²⁶.

²² Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004.; Шестов И. Н. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

²³ Кассирер Э. Опыт о человеке. М., 1998; Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Антология культурологической мысли. М., 1996; Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003; Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М., 1999.; Савельев (Кольев) А. Н. Политическая мифология. Реализация социального опыта. М., 2003.

²⁴ Барт Р. Избранные работы М., 1990; Хюбнер К. Истина мифа М., 1996; Гуревич П. С. Философская антропология. М.: Вестник, 1997; Корниенко Т. Сущность и структура мифа // Власть 2009 № 10; Ильин М. Приключение демократии в Старом и Новом Свете // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 71-84; Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М.: «Наука», 1972. Топорков А.Л. Миф: традиция и психология восприятия // Мифы и мифологии в современной России / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2000. 216 с.

²⁵ Гончарик А.А. Понятие мифа и его применение в исследованиях политики // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Рос. ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Ю.С.Пивоваров (гл. ред.) и др. – М.: ИНИОН, 2009. – № 4: Идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования. – С.79-87.

²⁶ Завершинский К. Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета Сер. 6. Вып. 2. 2015. С. 16-25.

Репрезентация политического мифа, его символизация, осуществляется посредством политического ритуала. Значимый вклад в разработку теории политического ритуала внесли К. Белл, В. В. Глебкин, Э. Дюркгейм, У. Уорнер, В. С. Полосин, М. Рольф, В. Н. Топоров, В. Тэрнер и др.²⁷. В свою очередь, для понимания феномена ритуала как символического коллективного действия в политике полезно также обратиться к работам по архаическому ритуалу, представленным следующими авторами: А. ван Геннеп, М. Элиаде, Д. Кэмпбелл, Д. Фонтенроуз, К. Клакхон, Л. Мамфорд²⁸.

Одним из социальных механизмов воспроизведения политического мифа среди иных политических ритуалов является политический праздник. Коммуникативную природу политического праздника, в отличие от традиционного его анализа как социального института, «нагруженного» нормами, ритуалами и ценностями, исследует в своих работах А. И. Щербинин²⁹. Отдельно политической роли праздника как инструмента символической политики посвящены публикации и диссертационная работа В. Н. Ефремовой³⁰. Праздники автором рассматриваются как «нестабильные» символы, посредством которых осуществляется работа с коллективной памятью и оформляется политическая идентичность.

Исследование мифоритуальных практик достаточно широко представлено в рамках изучения феномена «коллективной памяти». Значимость концепта социальной памяти для современных социологических и политологических

²⁷ Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре М., 1998; Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: М.: КДУ, 2011. С. 56-125.; Полосин В. С. Миф. Религия. Государство М., 1999; Рольф М. Советские массовые праздники М., 2009; Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. Тэрнер. В. Символ и ритуал. М., 1983. М., 1995; Уорнер У. Живые и мертвые. СПб.: Фонд «Университетская книга», 2000; Bell C. Ritual: perspective and dimensions. New-York: Oxford University Press, 1997;

²⁸ Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 2002; Тернер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В.А. Бейлис. – М.: Наука, 1983.; Элиаде Мирча. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.: Спб., 1999; Фонтенроуз Д. Обрядовая теория мифа // Обрядовая теория мифа: Сб. научных трудов. СПб., 2003; Клакхон К. Мифы и обряды: общая теория // там же; Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001.

²⁹ Щербинин А. И. Политический праздник: концепт и коммуникация // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 45-59.

³⁰ Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2014. 235 с.

исследований обстоятельно проанализировали Дж. Олик, А. Ассман, Я. Ассман, М Хальбвакс, П. Нора и др.³¹ В отечественном обществоведении политику памяти и историческую политику исследовали Н.Е. Копосов, А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, И. Б. Торбаков, А. Сенявский, Е. Сенявская, В.А. Ачкасов, В. Морозов и др.³².

Становление российской идентичности, в том числе в плане символической природы идентичности, было рассмотрено в работах, представленных в коллективных монографиях под редакцией И.С. Семененко, такими авторами как Л.А. Фадеева, В.И. Пантин, О.Ю. Малинова и др.³³.
Отдельные аспекты формирования национальной идентичности в

³¹ Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение Т. 11. № 1. 2012. С.40-72.; Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: НЛЮ, 2014; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; Halbwachs M. The collective memory. – N.Y.: Univ. of Chicago press, 1980.; Нора П. Между памятью и историей // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция – память. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 1999.

³² Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: НЛЮ, 2011. – 320 с.; Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 328-367; Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. – М., 2009. – №3-4, май - август. – С. 6-23; Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности М.: Политическая энциклопедия, 2015. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. – М., 2013; Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2013. – №1. – С. 114-130; Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. – М., 2011. – Т. 15, № 3/4. – С. 106-122; Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 91-125; Torbakov I. History, memory and national identity: understanding the politics of history and memory wars in post-Soviet lands // Demokratizatsiya. – Washington, 2011. – Vol. 19, № 3. – P. 209-232; Сенявский А., Сенявская Е. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО – Университета. – М., 2009. – Специальный выпуск, август. – С. 299-310; Сенявский А., Сенявская Е. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. – М., 2007. – № 2. – С. 139-151; № 3. – С. 107-121; Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве политики памяти // Символическая политика. – М., 2012. – Вып. 1. – С. 126-148; Морозов В. Охранительная модернизация Дмитрия Медведева. Некоторые размышления по поводу ярославской речи // Неприкосновенный запас. – М., 2010. – № 6. – С. 307-320; Морозов В. Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества. – М.: НЛЮ, 2009.

³³ Семененко И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. – М., 2009. – № 6. – С. 8-23; Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. Семененко И.С. Колл. авт.: Вайнштейн Г.И., Загладин Н.В., Кисовская Н.К., Лапкин В.В., Малинова О.Ю., Панов П.В., Пантин В.И., Семененко И.С., Фадеева Л.А., Чугров С.В. - М.: ИМЭМО РАН, 2008; Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). / Отв. ред.: И. С. Семененко, Л. А. Фадеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2011; Политическая идентичность и политика идентичности / Отв. ред.: И. С. Семененко. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.

символическом пространстве раскрыты в статьях В.В. Титова³⁴. Также можно отметить коллективные монографии научного фонда Ф. Науманна³⁵, вышедшие в 2004 и 2009 году, посвященные процессам нациестроительства, политике идентичности и политике памяти на постсоветском пространстве.

Вместе с тем, исследование роли таких символических средств, как политический миф и политический ритуал, в связи с осуществлением символической политики, а также структурой символической политики, представлено в современной политологической литературе недостаточно полно. В диссертационном исследовании предпринята попытка восполнить имеющийся теоретический и методологический пробел в исследовании роли таких символических форм как политический миф и ритуал в конструировании современной политической реальности и легитимации власти.

Целью исследования является обоснование структурирующей роли политического мифа и ритуала в символическом конструировании политической действительности.

Достижение указанной цели в диссертации осуществляется посредством **решения следующих задач:**

1. Определить смысл и содержание символической политики как специфического способа социального конструирования политической реальности и измерения публичной политики;
2. Проанализировать и систематизировать структурно-функциональные характеристики политического мифа как способа символизации современной политики;

³⁴ Титов В.В. Феномен национальной идентичности: попытка теоретического осмысления и структурного анализа // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2007. – Вып. 2. – С. 37–48; Титов В.В. Символическое пространство национально-государственной самоидентификации российской молодежи в контексте модернизационных вызовов 21 века // Перспективы развития политической психологии: новые направления – М., 2012 – С.215-225; Титов В.В. Эволюция концепций идентичности в социогуманитарном знании 20 века // Вестник МГОУ. – М., 2012. – №1(47). – С. 84 – 92.

³⁵ Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предис. Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. — М.: Фонд Ф. Науманна, АИРО-XX, 2003.; Национальные истории на постсоветском пространстве – II/Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, .– М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009.

3. Артикулировать место и роль политического ритуала в символизации коммуникативного пространства политики;
4. Рассмотреть политику идентичности как процессуальное измерение символической политики и динамичного комплекса мифоритуальных практик;
5. Выявить специфику "политики памяти" как символического способа конституирования коллективной и политической идентичности;
6. Изучить особенности политики идентичности в постсоветской России на примере мифоритуальных практик конструирования государственных праздников;
7. Описать и проанализировать специфику символической политики конструирования "мифопонырамы" публичного пространства современного города на примере Санкт-Петербурга.

Объектом исследования выступает символическая политика как неотъемлемый атрибут политических коммуникаций и специфический способ социального конструирования политической реальности.

Предметом исследования являются структурно-функциональные и процессуальные характеристики политического мифа и ритуала в деле осуществления символической политики в форме политики идентичности и политики памяти.

Научная новизна исследования. Принципиальная новизна представленной исследовательской работы заключается в том, что в ней осуществлен комплексный анализ политического мифа и политического ритуала как структурообразующих компонентов современной символической политики в единстве их функциональных и процессуальных измерений.

Научная новизна диссертации подтверждается полученными в ходе исследования результатами, выявляющими личный вклад автора в данную область теоретических знаний:

- выявлена предметная область политологических исследований символической политики и перспективы конвергенции междисциплинарных стратегий изучения ее мифо-ритуальных измерений;

- артикулирована возможность применения понятия «метанарратив» для изучения современной символической политики в демократических (неидеократических) обществах;

- обозначены структурные элементы символической политики: система коллективных представлений, поле символической борьбы и его акторы, аудитория, средства символического производства и легитимации политической власти.

- описаны структурно-функциональные характеристики политического мифа и политического ритуала как базовых компонентов современной символической политики;

- определены процессуальные параметры динамики мифоритуальных практик символизации как значимой составляющей политики идентичности и политики памяти;

- проанализирована специфика политики идентичности и политики памяти в постсоветской России на примере мифоритуальных практик конструирования государственных праздников и "мифопонарамы" публичного пространства современного города;

- предложены авторские рекомендации по прогнозированию сценариев символической политики властных элит в современной России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Символическая политика как особая разновидность политической коммуникации и форма «социального перформанса» включает в себя широкий перечень дискурсивных практик по созданию политической идентичности, легитимации власти, репрезентации властных отношений и визуализации идейных основ политического режима, осуществляемых в публичном

пространстве. Ключевым для понимания социально-культурных основ символической политики представляется понятие «метанарратива» - комплекса политических мифов, посредством которых символически репрезентируются основания и цели, а также текущее состояние политического сообщества. В условиях трансформации и усложнения коммуникативного пространства политики и развития информационных технологий символические средства приобретают важное значение для конструирования политической реальности, обозначения политического господства и доминирования в обществе.

2. Политический миф является базовым средством символизации политической реальности, т.е. выполняет символическую функцию передачи сознательно конструируемых властью представлений о политической действительности и проясняет существующую социальную и политическую реальность очевидными и визуально-осязаемыми знаками и образами. Политический миф представляет собой социальный механизм репрезентации политической идентификации в процессе «политики памяти».

3. Политический ритуал как форма символического действия является эффективным социальным механизмом формирования и трансляции значимых ценностей и способов видения политической действительности. Посредством участия в ритуалах политические акторы включаются в политический процесс на уровне повседневности. Политические ритуалы воспроизводят и поддерживают политические мифосценарии, которые конструируются элитами с целью легитимации власти и поддержания основ своего существования. Символическая политика находит свое отражение в ритуалах, которые являются устойчивой формой репрезентации политической культуры сообщества.

4. Основным инструментом реализации символической политики с применением мифоритуальных средств в пространственном аспекте является политика идентичности, посредством которой происходит маркирование социального пространства и фиксация границ принадлежности к сообществу. Политика идентичности использует символические, информационные и

коммуникативные ресурсы, позволяющие конструировать единое сообщество и формировать чувство общности и важности для всех политических задач, мобилизуя граждан на совместные действия. Политический миф создает когнитивную основу политической идентичности. Особую роль в закреплении и воспроизводстве идентичности выполняет политический праздник как форма государственного ритуала.

5. Политика памяти как символическая практика конструирования социально-политической идентичности связана с производством представлений о прошлом политического сообщества и опирается на ресурс политического мифа (интерпретацию исторических событий в нужном ключе), а также ритуала, символически воплощенных в таких публичных практиках как политические праздники, места памяти, коммеморации и т.д. Политика памяти отражает темпоральное измерение символической политики, ориентированной на проектирование будущего посредством интерпретации и переписывания прошлого с позиции настоящего и в связи с потребностями современного политического курса.

6. Символическая политика современных властных элит в России направлена на поиски нового идеологического основания (метанарратива), необходимого для консолидации российского общества и легитимации действующего политического режима. Государственные праздники как элемент реализации символической политики, включающие в себя миф (как идею праздника) и ритуал (совокупность действий, воспроизводящих идею) отражают тенденции становления постсоветской российской идентичности и целенаправленного конструирования представлений о политическом сообществе и являются символическими маркерами «нового политического времени».

7. Символическая политика, осуществляемая в городском социокультурном пространстве, направлена на создание и поддержание коллективной идентичности городского сообщества как важного компонента

гражданской нации. Посредством символьного дизайна, активизируется ресурс коллективной памяти местного сообщества, воплощенный в «мифопанораме» политических событий, которая, в свою очередь, воспроизводится в публичных ритуалах и других формах символической репрезентации политической власти (топонимика, архитектура, монументальная пропаганда), создающих определенные режимы памяти.

Теоретическую базу исследования составили теоретические труды отечественных и зарубежных авторов, которые анализируют символическую сферу политики и способы социального конструирования политической культуры и политической идентичности с позиций комплементарности социологических, политологических и социально-антропологических подходов к исследованию идеальных компонентов политического процесса.

Методологической основой исследования является взаимодополнительность структурно-функционального анализа символических структур и социально-конструктивистских стратегий исследований процесса политической идентификации в культурсоциологии и социальной антропологии. Данное исследование методологически опирается на теоретические посылы социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман), структурно-функционального подхода, представленного в работах Н. Лумана, культурсоциологии и критического дискурс-анализа в исследованиях Дж. Александра, П. Бурдьё, Т. Ван Дейка, Я. Ассмана и Дж. Олика.

В теоретическом основании понимания роли символической политики и ее мифоритуальных практик в социальном конструировании политической реальности лежит интерпретация политического мифа и ритуала как семантического ядра культурной памяти, определяющего специфику социальной и политической идентичности.

Эмпирическая база исследования представлена нормативными источниками, документами и публикациями в СМИ, вторичной интерпретацией

результатов социологических опросов российских центров изучения общественного мнения.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в комплексном анализе феномена символической политики как деятельности по конструированию социально-политической реальности посредством мифоритуальных практик в процессе политики идентичности и политики памяти. Проанализирована роль политического мифа и ритуала как структурных компонентов символической политики и обобщены имеющиеся теоретические данные относительно символического измерения политических коммуникаций и политической культуры в аспекте легитимации, репрезентации и визуализации власти.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что материалы могут быть использованы для подготовки учебных и учебно-методических пособий, при чтении курсов лекций и для проведения семинаров, практических занятий в предметной области политической науки и междисциплинарных исследований политической культуры и идеологии. Собранный материал по данной тематике можно использовать для разработки сценариев символической политики и социального конструирования политических ритуалов, мест памяти в рамках осуществляемой политическими элитами современной символической политики.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические выводы диссертационного исследования прошли обсуждение на заседании кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета и в ходе экспертизы диссертации на заседании экспертной группы, сформированной решением декана факультета политологии СПбГУ в феврале 2016 г.

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования и включает в себя: введение, три главы, состоящие из семи параграфов, заключение, список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** автор дает общую характеристику исследования: обосновывается актуальность темы, степень научной разработанности проблемы, определяются объект и предмет исследования, обозначаются его цель и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, описываются теоретическая база, методология и основные методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации и структуре работы.

В первой главе «Политический миф и ритуал как символические измерения политической действительности» рассматриваются основные подходы к исследованию феномена символической политики; описываются политико-культурные основания символической политики, раскрываются структурно-функциональные характеристики политического мифа и ритуала как базовых средств символизации политической реальности и как значимых инструментов обеспечения политической власти легитимностью.

В первом параграфе первой главы «Символическая политика как предмет политологических исследований» исследуются различные теоретические подходы к осмыслению современных коммуникаций, выражающихся в проведении символической политики. В соответствии с теоретическими посылками концепции символической борьбы П. Бурдьё, «работа по производству и внушению смыслов» и «борьба за навязывание легитимного видения социального мира» являются неотъемлемыми составляющими политического субполя³⁶. Следуя данной социологической и антропологической интенции французского ученого, отечественные исследователи под символической политикой понимают особый род политической коммуникации, нацеленный на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов и предполагающий

³⁶ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos 1993. С. 66-67, 71.

использование символических средств (С. П. Поцелуев)³⁷ или же деятельность по продвижению и навязыванию определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих (О. Ю. Малинова)³⁸.

Автор подробно анализирует теории символической политики и политического символизма таких исследователей как М. Эдельман, У. Сарцинелли, Т. Майер, А. Дернер, К. Гирц, К. Бэлл, П. Бурдьё и др. Отмечено, что особенностью изучения политической культуры и политических коммуникаций с позиций так называемого субъективного подхода, изучающего ценностные смыслы политики и сферу символического, является то, что сквозь призму осуществляемой элитами символической политики демократия, как в принципе и любой другой политический режим, рассматривается как набор разного рода перформативных (инсценированных) практик: ритуалов, спектаклей, театров, шоу, зрелищ и т.п. Условно в политической науке такой подход обозначается как негативистские или критические варианты коммуникативных теорий демократии³⁹. Делается вывод, что символическая политика выступает широкой категорией практик, направленных на вовлечение широких групп в политический процесс, вне зависимости от степени их реального участия в политике. В параграфе акцентируется внимание на использовании антропологического подхода к изучению символической политики, что, по мнению автора, позволяет анализировать используемые властью мифы, ритуалы, символы и культы. Артикулируется возможность применения понятия «метанарратив» как символического комплекса, конструируемого посредством мифов и составляющего ядро символической политики, для понимания основ современной политической коммуникации. Отдельно анализируется теория дискурса Т. Ван Дейка, позволяющая осмыслить феномен символического доминирования властных элит и актуализируется

³⁷ Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис 1999. №5 С. 63.

³⁸ Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 92.

³⁹ Поцелуев С. П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Монография. Ростов н/Д: СКАГС, 2010. С. 199.

концепция социального перформанса Дж. Александра, позволяющая выявить в качестве структурных элементов символической политики систему коллективных представлений, поле символической борьбы, акторов символической политики, аудиторию и средства символического производства и легитимации политической власти.

Во втором параграфе первой главы «Политический миф в теории и практике символической политики» описываются структурные и функциональные параметры политического мифа как инструмента символизации политических смыслов и значений. В современных исследованиях политический миф представляет собой механизм борьбы за политическую идентификацию, который лежит в основе конструирования социальных и политических идентичностей и включается в работу по созданию определенных «политик памяти». В связи с этим становится актуальным и необходимым изучение мифа в структуре символической политики, представляющей собой публичное пространство дискурсивного воспроизводства практик властного доминирования и репрезентаций.

Осуществлена попытка определить, существуют ли принципиальные различия между мифом архаическим, воспринимаемым исследователями как культурный феномен, и современными политическими мифами, которые, чаще всего, трактуются как продукт политтехнологического творчества. Автор подчеркивает, что отношение к мифу как к ложной выдумке, искажению политической реальности, препятствует правильному пониманию реальной политики, приводит к убеждению о необходимости бороться с мифами как с заблуждением, развенчивать их содержание в массовом сознании современных обществ. Наиболее продуктивно, по мнению автора, рассматривать миф как мобилизующее коллективное представление (Ж. Сорель), способное консолидировать общество, и наделяющее граждан необходимой информацией о политической реальности.

В параграфе подчеркивается конструктивистский потенциал политического мифа, его способность создавать групповую и коллективную идентичность, а также видоизменять символические параметры и фигурации политической памяти. Политические мифы, обеспечивая символизацию практик политического доминирования на уровне повседневности посредством симбиотических символов власти, являются важным и необходимым звеном современных политических коммуникаций⁴⁰. Политический миф имеет нарративную структуру и находит свое выражение в механизмах социального перформанса, в различных ритуалах, которые служат драматизации и театрализации современного политического коммуникативного пространства⁴¹. Политическая мифология активизирует важнейшую для формирования коллективной идентичности семантику базовых политических оппозиций, оперируя конкретными и очевидными, чувственно воспринимаемыми визуальными образами.

В третьем параграфе первой главы «Политический ритуал как способ символической репрезентации мифического в политике» показано, что политические ритуалы связаны, в первую очередь, с обоснованием легитимности субъектов политического процесса, а также описываются характерные особенности политического ритуала как символической формы коммуникативного действия в пространстве символической политики. Политический ритуал исследуется в конструктивистском ключе и понимается как способ передачи символических значений. Предложена методология анализа политического ритуала как социокультурного феномена и описываются его функциональные возможности как символического действия. Дается определение близких к ритуалу понятий, таких как обряд, праздник, церемония, церемониал, и выявляются их отличительные особенности. Политический

⁴⁰ Завершинский К. Ф. Политический миф в символических практиках властных коммуникаций: теоретические экспликации // Символическая политика: Вып. 3: Политические функции мифов. – М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 106.

⁴¹ См.: Giesen B. Performing the sacred: a Durkheimian perspective on the performative turn in the social sciences // Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / ed. by Jeffrey C. Alexander, Bernhard Giesen, Jason L. Mast. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 325-367

ритуал применим в сфере символической политики по следующим соображениям. Человек как существо символическое (Э. Кассирер, Ю. Левада) нуждается в простых знаках, способных наглядным образом передавать информацию. Коллективное действие (политический ритуал) являет собой символическую форму, которая способна вовлекать широкую массу акторов в политику. Даже не принимая непосредственного участия в процессе принятия ключевых политических решений, посредством ритуала люди осознают себя причастными к политическим событиям прошлого, настоящего и будущего.

Во второй главе «Политическая идентификация в теории и практике символической политики» рассматриваются инструменты реализации символической политики, в качестве которых определены политика идентичности и политика памяти и описываются временная и пространственная оси символизации политических событий и явлений.

В первом параграфе второй главы «Политика идентичности и ее мифоритуальные измерения» автор демонстрирует, что политический миф и ритуал являются основой для проводимой элитами политики идентичности, которая, в свою очередь, выступает важным инструментом символической политики. Через разделяемые совместно ритуалы и мифы массы обретают представление о едином сообществе, внутри которого они находятся, и формируется коллективная идентичность. Процесс изобретения традиций (Э. Хобсбаум) всегда связан с ритуализацией и формализацией, при этом новая традиция всегда связывается с прошлым, несмотря на то, что связь эта, по большей части, оказывается фиктивной. Основными механизмами политики идентичности, в данном случае, являются мифологизация, ритуализация истории, обозначение границ, формирование позитивного образа сообщества как внутри, так и за его пределами. Главными акторами политики идентичности выступают политические элиты, заинтересованные в легитимации собственного положения. Целью же политики идентичности является формирование и/или

утверждение новой, или уже существующей, идентичности, а основными ресурсами символические.

Во втором параграфе второй главы «Политика памяти как символическая практика социального конструирования коллективной и политической идентичности» исследуются теоретические подходы к изучению практик социального конструирования политической идентичности с использованием символических ресурсов коллективной памяти. Политика памяти рассматривается как практика социального конструирования политического сообщества в рамках процесса символической политики властных элит. Анализируются возможности изучения темпоральных структур символической политики и политической памяти для социального конструирования политической идентичности. Установлено, что политика памяти делает акцент на использовании глубинных временных и исторических ресурсов, апеллирует к свойствам человеческой психики, прежде всего, к памяти как механизму, воспроизводящему и конструирующему социальную реальность в сознании индивида. Целью политики памяти является построение единой общности, т.е. создание политической идентичности путем апелляции к чувствам народа, а также посредством культивирования тождества с доминантными символами политической культуры.

Структуры памяти вписаны в политический процесс и постоянно воспроизводятся в таких символических действиях, как государственные праздники, установка и демонтаж памятников, исторических объектов, дни и места памяти и прочих. Все эти действия направлены на формирование и поддержание коллективной идентичности. При отсутствии осознания себя в длительной исторической перспективе единым организмом, общество не способно организовать и сплотиться в настоящем времени, а уж тем более существовать в будущем, отсюда постоянное воспроизведение объединяющих нацию событий, воплощенное в политике памяти. Таким образом, символическая политика осуществляется через проводимые элитами политику

идентичности и политику памяти с использованием таких символических средств, как политические мифы и политические ритуалы.

В третьей главе «Миф и ритуал в символических практиках властных элит современной России» автор осуществляет анализ современной символической политики России, проводимой посредством конструирования государственных праздничных дней, а также выявляет, как осуществляются символические практики элит в социокультурном пространстве города. **В первом параграфе третьей главы «Специфика мифоритуальных практик символического конструирования постсоветской идентичности»** рассматривается реализация символической политики на примере государственных праздничных дней в современной России. Данное исследование было осуществлено в трёх аспектах – нерабочие праздничные дни; дни воинской славы и памятные даты; профессиональные праздники и памятные дни как элементы реализации символической политики в Современной России.

Новейшая история России характеризуется постоянным увеличением количества нерабочих праздничных дней. Уровень поддержки россиянами нерабочих праздничных дней, выражаемой в самом факте празднования того или иного дня и/или позиционирования его в качестве важного для них, зависит от того, насколько государство готово (или желает) придавать высокий символизм тем или иным праздникам (причём государство обладает возможностью превратить ранее поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности в неподдерживаемые посредством отмены государственных праздников).

Перечень дней воинской славы России наглядно демонстрирует стремление политических элит к поиску новых символов воинской славы России, в первую очередь, в советском прошлом и в победах российского оружия во времена правления Петра I и Екатерины II. Перечень памятных дат России наглядно отражает процесс поиска и символизации базовых для современной России политических событий. Более трети ныне существующих

профессиональных праздников и более двух третей существующих памятных дней, так или иначе сопряженных с социально-политическими смыслами, были введены в периоды президентства Б. Н. Ельцина и В. В. Путина. При этом, прослеживается тенденция символизации политических событий, обеспечивающих легитимацию институтов власти, обеспечивающих внешнеполитическую и внутривнутриполитическую безопасность государства.

Во втором параграфе третьей главы «Политика идентичности и политика памяти в социокультурном пространстве города (на примере г. Санкт-Петербурга)» исследуются способы социального конструирования политической идентичности в социокультурном пространстве современного Санкт-Петербурга. По мнению автора диссертации, политическая идентичность формируется в результате символической объективации смыслов, продуцируемых и транслируемых многообразными социальными акторами в современном, комплексном городском пространстве. В условиях современных политических коммуникаций символическая политика по оформлению гражданской идентичности в социальном пространстве городов приобретает особое значение для обеспечения политической мобилизации и национальной консолидации России.

Использование возможностей современных коммуникативно-визуальных способов коммеморации в символическом дизайне городской архитектуры, скульптуры, топонимики и публичных репрезентаций политических событий составляет важное звено для обеспечения эффективной политики памяти в городском пространстве. При этом подчеркивается, что политический миф в современных формах политических коммуникаций приобретает особое значение при социальном конструировании политической идентичности горожан посредством символизации городской повседневности и превращения ее в общественно-значимые публичные пространства. Характерной чертой символической борьбы в современном городском пространстве Санкт-Петербурга является позиционирование мифа о «европейских» и «имперских»

истоках политической культуры жителей мегаполиса советской политической мифологии «города социалистической революций».

В заключении диссертационной работы представлены основные результаты исследования, формулируются основные выводы, а также намечаются перспективы дальнейшей разработки исследований в сфере символической политики.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Гигаури Д. И. Политический миф и ритуал как социокультурные основания символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 2015. Сер. 6. Вып. 3. С. 91-98.
2. Гигаури Д. И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10. Ч. 2. 2015. С. 59-64.
3. Гигаури Д. И. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 15. С. 83-87.
4. Гигаури Д. И. Символическая политика в социокультурном пространстве города (на примере г. Санкт-Петербурга) // Теория и практика общественного развития. Краснодар. 2015. № 16. С. 136-139.